

одну "половину" себя, только своего Бога; чтобы стать *по-настоящему* человеком, он когда-нибудь должен открыть в себе и *своего дьявола*. Собственно говоря, это и происходит в конце романа, в беседе Алеши с Лизой Хохлаковой. Лиза рассказывает Алеше свой сон: "...мне иногда во сне снятся черти, будто ночь, я в моей комнате со свечкой, и вдруг везде черти, во всех углах, и под столом, и двери отворяют, а их там за дверями толпа, и им хочется войти и меня схватить. И уж подходят, уж хватают. А я вдруг перекрещусь, и они все назад, боятся, только не уходят совсем, а у дверей стоят и по углам, ждут. И вдруг мне ужасно захочется вслух начать Бога бранить, вот и начну бранить, а они-то вдруг опять толпой ко мне, так и обрадуются, вот уж и хватают меня опять, а я вдруг опять перекрещусь – а они все назад. Ужасно весело, дух замирает. – И у меня бывал этот самый сон – вдруг сказал Алеша" (15; 23).

В художественном мире Достоевского нас не удивляют никакие совпадения судеб, поступков, речей персонажей. Но даже в этом контексте совпадение снов предстает очень знаменательным фактом, который можно понять только как явное указание на совпадение глубинной сущности собеседников. А ведь в той же беседе с Алешей Лиза признается, что сознательно хочет вступить на путь *зла*. В итоге, мы можем констатировать, что и Алешу писатель обозначает как человека, ничем не отличающегося от других персонажей романа – и он несет в душе *своего* Бога и *своего* дьявола, и нескончаемая борьба этих сил еще только началась в нем, ее итог совершенно не предрешен. Здесь уместно вспомнить еще одно выразительное признание Алеши, сделанное также в разговоре с Лизой (но не в конце, а в начале романа): "А я в Бога-то вот, может быть, и не верую" (14; 201). Для тех же читателей, кто все-таки склонен считать православную рясу Алеши знаком его окончательной определенности и окончательной "положительности", нелишне напомнить слова из авторского вступления: на первой же странице романа Алеша характеризуется как "деятель, но деятель неопределенный, невыяснившийся" (14; 5).

В подготовительных материалах к роману "Бесы" есть выразительный фрагмент на упомянутую тему соотношения ангела и человека. Там Князь (Ставрогин) говорит Шатову: "Мы, очевидно, существа переходные, и существование наше на земле есть, очевидно, непрерывное существование куколки, переходящей в бабочку. Вспомните выражение: "Ангел никогда не падает, бес до того упал, что всегда лежит, человек падает и восстает". Я думаю, люди становятся бесами или ангелами <после смерти. – И.Е.>" (11, 184). Здесь, как и в рассматриваемом фрагменте романа "Братья Карамазовы", предполагается, что сама суть человеческого существования – в совмещении в себе предстояний перед Богом и перед дьяволом. Быть только ангелом или только бесом, т.е. предстоять только перед Богом или только перед дьяволом, для человека неестественно и невозможно в земной жизни.

Вернемся к понятию радости. Как было показано, она оказывается независимой от Бога и дьявола, которые противостоят друг другу в каждом человеке и совместно определяют его трагическое и противоречивое существование. Более того, она оказывается *выше* их, поскольку, как говорит Дмитрий, без нее "нельзя миру стоять и быть", и, как сказано в стихотворении Шиллера, она "поит" каждую "душу божьего творенья". Позже, уже после суда и перед отправкой на каторгу, Дмитрий выскажет ту же мысль в еще более резкой форме: "...мы вновь воскреснем в радость, *без которой человеку жить невозможно, а Богу быть*, ибо Бог дает радость, это его *привилегия*, великая..." (15; 31; курсив мой. – И.Е.).

Еще можно сказать, что радость находится "по ту сторону добра и зла", поскольку *только на ее основе* и возникают добро и зло в их противостоянии. Учитывая ту философскую традицию, в рамках которой Достоевский создает свой миф о человеке, нетрудно понять, что здесь имеется в виду *радость непосредственного бытия, радость полноты жизни* (*бытие* и *жизнь* в философском мировоззрении писателя почти совпадают). Умение почувствовать эту радость, остро пережить ее и составляет самое главное основание человеческого существования, без чего все более конкретные и очевидные его проявления теряют смысл. Этим качеством в полной мере обла-